

Дискурсы этики. 2023, 2(18): 11—26

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2023/12/DE2023_2_18_11-26.pdf

УДК 12

ПРИНУЖДЕНИЕ К БЕСПОКОЙСТВУ

Положенцев А. М.

статья:

поступила в редакцию 16.10.2023

принята к публикации 20.11.2023

опубликована (онлайн) 27.12.2023

© Положенцев Андрей Михайлович

кандидат философских наук

доцент кафедры истории и философии Высшей школы технологии и энергетики

Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий

и дизайна, Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: polozhenzevam@gmail.com

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Статья посвящена выявлению ключевой «практики себя» современной личности. Во-первых, исследуется роль императивных практик в формировании субъекта. Сам субъект может быть представлен как множество «практик себя». Совокупность этих практик составляет «этос» субъекта. Он состоит не только из императивов, но и из привычек, и эмоциональных состояний, которые определяют наши поступки (тревога, страх, забота).

Основу его личности составляет ядро, некая фундаментальная практика, которая подчиняет себе прочие практики. Базовый императив современности постулирует уникальность нашего индивидуально-существования. И этот императив не является универсальным для всего многообразия человеческих культур.

Во-вторых, рассматривается процесс того, как эта практика захватывает все слои нашей жизни — политический, социальный и экзистенциальный. На уровне политических принципов она проявилась в декларации прав и свобод человека, постулируемых всеми современными конституциями, определяющими основы прочих законодательств. Наши этические принципы так же заставляют нас всех согласовывать свои мысли, чувства и поступки с этим базовым принципом. Для его воспроизводства был создан новый тип политического устройства, современные государства как формы внешних условий, среды, внутри которой происходит культивация субъекта, практикующего собственную уникальность и исключительность. На этом императиве работает современная экономика, его принципы охраняют армии и полиция, во имя его создаются и разрушаются политические системы. Эту идею воплощают в жизнь наши религии, школы, педагогические системы, культурные и социальные стратегии. С помощью этой идеи мы организуем и свой внутренний мир, она пронизывает наши искусства, науки, спорт, производство.

Современность не признает покой — эту цель религий и философий прошлого, она воспитывает мятежный дух, который обеспокоен всем происходящим в мире. Безразличие неприлично. Мы обязаны испытывать беспокойство неравенством, нищетой, глобальным потеплением, насилием. Однако может случиться, что те беды и несчастья, преодолением которых обеспокоен этот дух, есть всего лишь следствие его беспокойства тем, чтобы просто постоянно испытывать беспокойство.

Ключевые слова: онтология личности, практики себя, феноменология морали, этос современности, моральная парадигма.

Discourses of Ethics. 2023, 2(18): 11—26

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2023/12/DE2023_2_18_11-26.pdf

COMPULSION TO WORRY

Polozhentsev Andrey

received 16.10.2023

accepted 20.11.2023

published (online) 27.12.2023

© Andrey M. Polozhentsev

Candidate of Philosophical Sciences

Associate Professor of the Department of History and Philosophy

of the Higher School of Technology and Energy of the St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: polozhenzevam@gmail.com

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The article is devoted to the clarification of the key "self-practice" of the modern personality. Firstly, the role of imperative practices in the formation of the subject is investigated. The subject itself can be represented as a set of "self-practices". The totality of these practices constitutes the "ethos" of the individual. It consists not only of imperatives, but also of habits and emotional states that determine our actions (anxiety, fear, concern).

The core of personality is a fundamental practice that subordinates other practices. The basic imperative of modernity is the uniqueness of our individual existence. This imperative is not universal for all the diversity of human cultures.

This practice captures all layers of our life — political, social and existential. At the level of political principles, it manifested itself in the declaration of human rights and freedoms in modern constitutions. Our ethical principles also force us all to coordinate our thoughts, feelings and actions with

this basic principle. In order for its formation to take place in favorable conditions, a new type of political structure was created, modern states, within which the subject is cultivated, practicing its own uniqueness and exclusivity. The modern economy works on this imperative, its principles are guarded by armies and police, political systems are created and destroyed in its name. This idea is implemented by our religions, schools, educational systems, cultural and social strategies. With the help of this idea, we organize our inner world, it permeates our arts, sciences, sports, production.

Modernity does not recognize the calmness. This is the goal of the religions and philosophies of the past, it fosters a rebellious spirit that is concerned about everything that is happening in the world. Indifference is indecent. We must be concerned about inequality, poverty, global warming, violence. However, it may happen that the troubles and misfortunes that this soul is concerned about overcoming are just a consequence of his anxiety to simply constantly experience anxiety.

Keywords: ontology of personality, self-practice, phenomenology of morality, ethos of modernity, moral paradigm.

* * *

Речь пойдет о строении субъекта и роли морально оформленных императивов в его устройстве. Говоря о каком-либо предмете, имеющем историю исследований, мы неизбежно попадаем в сеть дискурса — высказываний, суждений и предписаний, как именно нужно рассуждать об этом предмете. Мы попадаем в область логоса, но сам предмет, οὐσία, «первая сущность», может легко ускользнуть от нашего внимания, остаться нерассмотренным, поскольку он принадлежит к другому классу сущего. План сущего и план дискурса как бы парят в параллельных слоях, не в силах по-настоящему соприкоснуться. Мы начинаем говорить о деле, но продолжаем говорить о словах. С субъектом дело обстоит еще сложнее. Поскольку именно он является инициатором исследования, его актором, то он неизбежно остается в слепой зоне для самого себя. Однако у него имеются и другие стороны и способы проявления (помимо дискурса), которые мы можем наблюдать и описывать, отсылать к ним, а не только лишь определять, цитировать и делать выводы.

Мы можем рассматривать самих себя, людей, членов сообщества человеческого как набор некоторых практик, которые мы совершаем над собой. Мы постоянно принуждаем себя что-либо делать и быть таким-то человеком, демонстрировать перед собой и другими свои «черты характера» или «качества личности» или какие-то еще свойства, которым нет твердого определения, но которые мы совершаем ежечасно, и которые не являются свойствами нашего тела, существа и пр. Они, эти практики есть результат сознательного усилия, которое мы делаем над собой, ну, а другие ожидают, что мы будем стараться поступать согласно их ожиданиям. Итак, мы — это наши практики.

Нет нужды говорить, что эти практики изменяются в исторической, культурной и социальной перспективе. Однако следует учесть, что

иные формы подобных практик — в иных культурах, а тем более в прошедшие исторические эпохи нам слабо доступны для изучения. А вот наблюдение современных нам, типичных и ожидаемых другими форм нашей личности нам вполне доступны. Здесь уместно вспомнить исследования Ирвинга Гофмана и Георга Зиммеля, использующих методы феноменологии в социологии, или Мартина Хайдеггера, описывающего экзистенциальные “настроения” Dasein и Макса Шелера (Ordo amoris), и некоторых представителей философии жизни, в которой обосновывалась сама возможность существования подобных предметностей. Эта предметность была обозначена термином «жизненный мир», но мы можем использовать и более органичный для этики термин «этос». Этос разнороден по своему составу. Он состоит не только из принципов, императивов, как категорических, так и гипотетических, из максим и прочих словесно оформленных содержаний, но и из привычек, личных и социальных, из трудно отличаемых друг от друга эмоциональных состояний и настроений, которые определяют наши поступки (тревога, страх, азарт, любовь, расположенность, предпочтение...). Этос в итоге утверждается в весьма сложной для изучения области, которую мы называем нравами.

Эти настрои, практики себя, принуждения «быть таким-то», представляют собой по форме императивы, выраженные в слове, но управлять эти «приказы» должны «низшей», природной, а точнее — эмоциональной и действующей частью нашей личности. Определения конкретных элементов в этой сфере довольно условны, это скорее обозначения каких-то ярко выраженных состояний (любовь, гнев, восхищение, страдание). Однако эти проявления, как видится, исходят из какого-то центра, из какой-то господствующей мысли или настроения, в которой мы соприкасаемся не с другими словами или положениями, а с «первыми сущностями», с чем-то существующим и существенным, на что можно указать или что можно описать, но не определить или вывести его логическую взаимосвязь с другими положениями.

Каждая эпоха потому и является эпохой, что имеет свою господствующую идею-настроение, фокус, которым определяется иерархия прочих мыслей, настроений, практик. Однако эта основная мысль ста-

новится видимой лишь с исторического расстояния. Для самой эпохи она является искренней, самоочевидной, не терпящей сомнения. Она является подлинным императивом для человека, потому что принуждает к действию не по основаниям, а непосредственно. Она становится видимой не тогда, когда мы ее понимаем, а когда она есть нечто само собой разумеющееся, когда она невидима, как воздух.

* * *

Строение субъекта в таком случае можно описать следующим образом. Основу его личности составляет ядро, некая фундаментальная практика, которая схватывает, подчиняет себе и генерирует своими повелениями прочие практики и императивы, выраженные в конкретных повелениях («будь таким-то»; «испытывай то-то»; «чувствуй и поступай так-то»). Эти повеления могут иметь прямую логическую связь с базовым императивом, из него дедуцироваться и влиять на практики других уровней, например, определять спектр эмоций, которыми должна обладать личность, подчиненная основному императиву-практике. Базовый императив современности постулирует *уникальность нашего индивидуального существования*, его неприкосновенность — не только, например, политическую, но и метафизическую. Мы всеми силами обязаны воспроизводить эту уникальность. Это объявлено целью нашего существования, и для достижения этой цели нам предоставляются определенные социально-политические условия, делающие эту цель достижимой. На этом же основании держится и вся сложность и многообразие форм и стилей жизни современности. Однако цель и средство, как это часто случается, неожиданно могут поменяться местами, и тогда оказывается, что наша уникальность мнимая, она просто поддерживает социальную структуру в постоянном движении.

Говоря языком социальной антропологии, этот принцип является нашим сакральным ядром, совокупностью взаимосвязанных положений и практик, постулирующих и культивирующих существование, вос-

производство и защиту индивидуального бытия, со всеми его особенностями. Он полагается в основании сакральной структуры современности. Прочие социальные системы над ней надстраиваются, используют ее как основание для своих собственных, специфических практик. Эта структура — постулат уникальности «я». Эта форма самосознания считается естественной, заданной самой природой, хотя мы — наша метафизическая парадигма — все-таки предполагает, что человек существо социальное. Но и социальность ведь, согласно ее логике, должна на чем-то основываться?

Эта форма явно противостоит всем прочим, и не столько своею мощью, сколько самим исходным принципом. Прочие — как предшествующие, так и современные ей — формы предлагали концентрироваться вокруг какого-либо принципа, отождествляя свое «я» с какой-либо практикой партикулярного, «особенного» — быть буддистом, христианином, афинянином, египтянином, членом клана орла или ворона... Эта же сконцентрирована вокруг практики себя, культивации эго как уникальнейшей формы бытия.

На уровне политических принципов эта практика проявился в декларации прав и свобод человека, постулируемых всеми современными конституциями, определяющими основы прочих законодательств. Наши этические принципы так же заставляют нас всех согласовывать свои мысли, чувства и поступки с этим базовым принципом. Для того чтобы его возвращение протекало в благоприятных условиях, был создан новый тип политического устройства, современные государства — уже как формы внешних условий, среды, внутри которой происходит культивация субъекта, практикующего собственную уникальность и исключительность.

* * *

Однако этот императив, чтобы быть действительно действенным, должен определять и другие, уже метафизические императивы, те, что определяют саму возможность подобного рода бытия. Нужно вначале декларировать и уметь отстоять такую онтологию, согласно кото-

рой мир в принципе состоит из индивидуальных субстанций, «первых сущностей», несводимых ни к чему всеобщему или особенному. Эта метафизика распространится сначала на физические объекты, на понимание их как отдельных друг от друга субстанций (субъектов). Далее, этот императив начнет определять и наши представления о социальном пространстве, в котором должно быть законное место для уникального существа, атома (индивидуума) социального мира. В случае несоответствия этой реальности общим метафизическим и политическим представлениям, обеспечивающим саму возможность моего или вашего бытия в качестве индивида, я должен порождать соответствующие эмоциональные состояния, например, испытывать чувство негодования при виде попрания фундаментальных прав и свобод. Это может выражаться как в прямом поступке, направленном на исправление положения, так и в виде косвенных действий, в том числе «знакового» характера, выражающих, например, «чувство солидарности» и негодования. Подогревание «возмущенного разума» будет совершаться не только из внешнего источника, одобряющего «правильную» реакцию, а сам императив-практика будет заставлять меня и нас всех генерировать соответствующие эмоции и дискурсы, повышающие его «температуру». Для нас здесь важно было показать взаимозависимость целой картины мира и структуры самого субъекта от базового императива, который является как бы центром, из которого исходят разнообразные следствия и выводы, не только морального и логического порядка.

Концептуальная история этого императива-принципа была на онтологическом уровне начата Декартом с его единственной самоочевидностью *cogito*. Далее она была продолжена социально-политическими теориями, нашедшими выражение как в теории естественных прав у Гоббса и Локка, так и в «Билле о правах 1689» и в «Декларации прав и свобод человека и гражданина», следующих из этой теории, и определяющих с тех пор содержание всех национальных конституций. Философское развитие этот концепт получил у младогегельянцев, наиболее законченную форму он приобрел у Макса Штирнера, позд-

нее у Ницше, а также в различных леворадикальных политических движениях XIX века, в том числе в нигилизме и анархизме.

Однако стоит заметить, что для полноценного развития императива уникальной личности требовалась и ее диалектическая противоположность — концепт массы, большинства, толпы, «других». Именно в противопоставлении обезличенной массе утверждается уникальность его. Но это противостояние лишь эффект, следствие. «В-себе», без толпы оно ничто. Индивид, как и масса — порождение именно либеральной онтологии, ее основная «диалектическая» пара. Если нет толпы, других, массы — то и не из чего «выделяться». Идея эта формируется в виде напряженности между двумя своими полюсами, где на одной стороне — «упоение уникальностью», выражаемое индивидуалистическими и нарциссическими практиками, а на другой — «озабоченность судьбами мира», сознание своей гиперответственности за все происходящее, практиками обеспокоенности тотальной несправедливостью, как социальной, так и природной. С одной стороны, мы всеми своими действиями стремимся заявить о своей особенности, а с другой — компенсировать излишнюю заботу о своей уникальности беспокойством за всеобщее.

* * *

Этот императив не такое уж пустое место, каким часто представляются нам различные содержания морального плана. На этот императив работает современная экономика, его принципы охраняют мощнейшие армии, во имя его создаются и разрушаются политические системы. Эту идею воплощают в жизнь наши религии, школы, педагогические системы, культурные и социальные стратегии. Мы с помощью этой идеи организуем и свой внутренний мир, и свое политическое и экономическое пространство, ею проникнуты наши искусства, науки, спорт, производство. Но для того, чтобы показать ее уникальность и силу, своеобразие, превосходство даже над идеями, которые уже господствовали над умами в прежние времена, нужно показать место, которое занимает эта центральная мысль в нашем ментальном

устройстве. Оно, это устройство, само есть результат определенных социально-метафизических практик, которые мы — по тем или иным причинам, как внешним принуждением, так и собственной волей — совершаем ежечасно, и в которые погружены как в самое интимное свое бытие. Мы думаем, мы наполнены словами, выражениями, постулатами, принципами, даже эмоциями и состояниями нашей психики, развивающимися из некоего первого высказывания, и всё содержание нашего ума — это последовательность логических актов, физиологических состояний и социально-экзистенциальных практик. Личность куется в метафизической кузне, а с нею и весь мир, в котором мы эти идеи осуществляем.

Метафизика, несмотря на то, что подвергалась серьезной критике в философии после Канта, не исчезла из нашего ментального пространства, скорее наоборот, усилила свои позиции. Ее интересы сместились из сферы трансцендентного в сферу трансцендентального, где у нее нашлись задачи более интересные. Кантовская критика в итоге показала не только слабые стороны метафизики, но и ее сложность и глубину. Метафизика в итоге вышла за рамки богословской проблематики с ее основными проблемами — доказательством бытия бога, бессмертия души, тварности мира и свободы воли. Дальнейшее развитие трансцендентализма показало, что метафизика — не поверх мышления, не результат сложных абстрактных построений философов и богословов, к которым нужно долго приучать себя. Метафизика лежит глубоко, в самом образе мышления, в устройстве языка и в той картине, которую мысль и язык для нас выстраивает, даже, быть может, еще глубже, в нашей физиологии восприятия. Сам субъект — это воплощенная метафизика.

Мы попадаем в некую ловушку, когда называем подобного рода метафизику «практикой себя», поскольку «я» и «себя» уже есть результат этой практики, поскольку «я» (согласно, конечно, логике самой нашей метафизики) есть не природный объект, а результат волевых усилий, за которыми стоит определенное понимание того, как правильно «быть», что считать сущим, а что «нет». Ведь уверяют же нас

позитивисты и здравомыслящие люди, что снов, мыслей, и прочей идеалистически окрашенной чепухи «на самом деле» не существует. Однако, что здесь значит «на самом деле»? Где, в какой онтологической плоскости оно располагается? Очевидно, что вне ментальной сферы, то есть, в царстве вещей-в-себе.

Однако нас не сильно смущает постулат уникальности нашего бытия, так как он хорошо вписывается в нашу общую метафизическую картину, и в итоге мы можем легко перейти от отождествлений субъекта с вещью-в-себе к феноменологическим демонстрациям его очевидности. Оставим эти подробности онтологии, и перейдем к этике, которая проводится этой новой метафизикой субъекта.

* * *

Этот субъект теперь не величественно возлежит в основании всего сущего, мира изменчивости, а сам представлен как мятежный дух, гнетущийся покоем. Этот субъект вечно действующий, возведший непостоянство в принцип своего бытия. Конечно, он может руководствоваться логикой и разумом в этих своих метаниях (Фихте и Гегель), но может и просто наслаждаться вечной текучестью самого себя (Гёте), вечным поиском, неудовлетворенностью, беспочвенностью, бунтом (Маркс, Ницше, Фрейд, Шестов, Камю...).

Прежние онтологии и философские практики искали неподвижную точку в нашем существе, разрабатывали методы остановки мышления, медитации, умиротворения разума, успокоения ума. Как мы помним, античные стоики целью заботы о себе полагали различные варианты душевного спокойствия — атараксии, апатии. Даже христианская аскетика, с ее культом страдания и подражания Христу, яростно боролась с суетливостью мысли и предлагала свои пути обретения вечного покоя души и разума. Философские школы античности могут быть представлены нами не как метафизические системы, конкурирующие за право аутентичного объяснения мироздания, а как этические, предлагающие различные пути к чистому разуму — чистому в первую очередь от страстей, от патоса. Кинизм, эпикуреизм и стоицизм — это

различные практики мудрости, а не умозрительные системы. Волнения, страсти, чувственность препятствуют самотождественности ума, уводят его от ясной цели в суету и порочность. Философия же является искусством навигации, удерживающей разум в строго выбранном направлении. Философия, вопреки известному укору Маркса не объясняла мир, а учила в нем двигаться к цели, в общем, изменять его. А вот современные виды метафизики, например, фундаментальная онтология Хайдеггера, напротив, объявляя модус *заботы* (*Sorge*, *Versorgenheit*), метафизическим, то есть, всеобщим принципом человеческого бытия, закрывает для разума возможность выхода за пределы мира-как-предмета-заботы. Если мы посмотрим на господствующие социальные и экзистенциальные практики современности, к которым склоняют нас наши идеологии, то увидим их эту самую патологическую, волнующую обеспокоенность нашего существа как его нормальную, морально одобряемую и социально правильную форму.

Мы хотели выделить именно эту, всеобщую сторону этих практик, назвав ее как обеспокоенность. Ведь воспроизводство конкурентной среды в школе и даже детском саду, в политике, в ежедневной профессиональной и обыденной жизни имеют общую стратегию. Они будят в нас весьма похожие чувства. Они порождают обеспокоенность.

Даже если мы не станем делать акцент на сильных формах этой активности — войнах, революциях, политических переворотах, экономической конкуренции транснациональных корпораций и мировых держав, космических проектах, конкуренции в науке, спорте, искусстве — мы легко заметим, как требование подобных эмоциональных практик пронизывает наше обыденное сознание. Нас призывают не только во всем быть первыми, постоянно участвовать в каких-либо топах и рейтингах, но и — продегустировать все возможные виды блюд и вин, всё перепробовать, везде побывать и поучаствовать, всё примерить, посмотреть, прочесть. Все это — формы проявления обеспокоенности собственной уникальностью. Нас укоряют, если мы не испытываем подобной потребности, обвиняют в бесчувственности и косности. Те добродетели, к которым стремились стоики или буддисты, считаются

нами пороками безразличия. Нам приводят цепочку связующих элементов между нашим экзистенциальным спокойствием и политическим безразличием, и наличием концентрационных лагерей, гражданских войн, глобального неравенства, эпидемий в развивающихся странах и мировой нищетой. Если ты имеешь целью душевный покой, если ты стремишься к воздержанию от суждения и оценки, ты живешь недостойно, ты — истинный враг миру, ты и есть источник его бед. Поскольку ты — безразличен, не обеспокоен наличием зла, значит, ты — его причина.

И все-таки. Не окажется ли, что войны, голод, эпидемии, и прочие образы мирового зла есть следствия нашей слишком активной озабоченности? Не обязательно напрямую, как последствия борьбы с источниками зла, или даже непосредственно с «самим злом», а именно как следствия озабоченного принуждения себя и других к немедленным действиям против того, что является, по нашему убеждению, злом, несправедливостью, несчастьем? Следствием того, что в мире слишком много действующих субъектов, самонадеянно полагающих, что результаты их действия находятся в непосредственном ведении их воли?

Здесь, в этом императиве, призывающем быть обеспокоенным «судьбами мира», лежат подозрительные аксиомы, с трудом совместимые с нашими позитивистскими установками, на которых отлично работают современная наука и производство. Во-первых, что в основании нашей разумности лежит воля, то есть, некое условие, обеспечивающее возможность сознательного изменения хода событий; во-вторых, что эта воля разумна и блага, что она действительно знает, что именно нужно миру для его блага, каким он должен быть, а сам мир не знает. Предполагается, что разумная воля не имеет патологий, что она действительно руководствуется разумными основаниями, а сами эти разумные основания не имеют под собой эгоистического интереса. Здесь, в этом императиве зарождается основа беспокойства — *ἕβρις*, гордыня, дерзание, здесь формируется установка, будто мы ведаем, что творим, что человек — вершина эволюции, и даже мысль, что наши действия имеют глобальные следствия.

Совокупность этих аксиом или положений формирует не только этос привычного и «правильного», ожидаемого поведения. Они образуют и систему наших представлений о мире, нашу онтологию. Эта метафизика воплощается в итоге в обыденном сознании, которое призывает само и само призывается к различного рода социальной активности; положениями этой метафизики запускается вращение колеса истории, рост валового дохода, поводы к войнам и революциям. Обыденное сознание уже не заботится о познании причин происходящего: пусть этим занимаются «специально обученные люди», ученые. Оно же станет активно заботиться о собственном процветании, об удовлетворении своих желаний, поскольку они постулированы основным законодательством как высшие ценности. А также приведением в такое высшее состояние иных социальных систем, находящихся пока на границе человеческого, за пределами цивилизованного состояния. Эта форма самосознания чувствует себя ужасно активной и справедливой, она обеспокоена все еще имеющимся неравенством в мире. Оно не успокаивается существующей несправедливостью, озабоченное обыденное сознание начинает с нею бороться. Как правило, мировые несчастья имеют образы очевидного зла, несмотря на свою абстрактную форму: нищета, эпидемии, экология, экономическое отставание. Так, например, праведная борьба с глобальным потеплением на деле выливается в дополнительные выбросы порций газов, вызывающих парниковый эффект. Обеспокоенное сознание уверено, что «делает мир чище», поощряя дорогие виды производства, на которых стоит знак «эко». Оно заботливо помогает «бездомным животным», тем самым увеличивая их количество. Борется с нищетой и болезнями, тем самым увеличивая количество нищих и больных, и в итоге создает хорошо работающие и успешные социальные стратегии, закрепляющие формы бытия-жертвой (ведь именно жертва требует помощи, внимания и участия!). Оно не замечает, что причина этих «бед» именно его активность.

В этом принуждении к беспокойству, главном императиве этоса модерна мы находим нечто новое по сравнению с другими этическими

системами, например, с античными, которые стремились погасить страстную, патосную часть человеческого существа, дабы обратиться к более надежному источнику мудрости, к разуму. Стоики и эпикурейцы, да и наследующие им христиане пестовали личность, основанную на логосе, который должен был вывести человека к его истинной, бесстрастной природе. Античный философ призывал найти неизменную точку в своем существе и основать на ней свою личность и свой этос, тогда как человек модерна скорее готов заставить весь мир вращаться, привести его в смуту, в бесконечное движение, лишь бы не успокаиваться.

Каждый из нас разделяет это беспокойство и принуждает себя к такой активности. Озабочены дети и старики, богатые и бедные, политики и массы, журналисты (особенно они) и зрители, спортсмены и болельщики, звёзды и их фаны. Даже Далай-лама обеспокоен. На верхах социальных лестниц находятся более обеспокоенные, безразличные и равнодушные мигрируют в низы. Озабоченность имеет много форм, но они имеют один и тот же метафизический источник — представление себя уникальностью. Поэтому главное — это озабоченность самим собой. Но это не сократовская «забота о себе», о чем-то фундаментальном в себе — о своей душе или субстанции (то есть, в итоге, о чем-то неизменном в себе). Это забота о том, чтобы в тебе была ключом сама озабоченность, обеспокоенность всеобщим беспокойством.